

Наконец, третий том — по закону трех чисел должен быть завершающим. Это — густо замешанный раствор чувств, мыслей, призванный скреплять в нечто единое удачу и недостатки двух предыдущих. Действительно, в третьем томе больше реалий сегодняшней жизни, больше света и огня («Маяк», «Огонь», «Дай огня!»). Что касается содержательности, то, по-моему, он не уступает первым двум.

Много стихов, которые без опасения можно отнести к удачам автора: «Разговор поэтов», маленькие поэмки, а именно «Швея Анюта», «Черноморское предание», а также, я бы сказала, полупоэмы: «Взятие Выборга», «Музыка спасет мир», «Обелиск».

Заметны и стихи, выделяющиеся из общего гармоничного строя благодаря заложеным в них протестным ноткам, типа: «Россия — это не Москва», «Отца забрали ночью», «Портрет», «Опять потеря — не людей, так вещи...». Особенно отметить хочется поэму о скрипачке «Музыка спасет мир» — парафраз Достоевского, несущий в себе элемент музыкальной фантазии...

Оценивая в целом трехтомник стихов, хочется сказать, что это, безусловно, новая грань питерской литературы, которая, однако, не отражает каких-то особых, отличных от русского языка, петербургских текстов, а является лишь каплей в великой общерусской литературе. Это попытка поставить стихи вровень с прозой, причем прозой хорошей, в то же время оставаясь поэзией. И пусть по-прежнему существуют сонеты, рондо, мадригалы, баллады, эпиграммы и прочие элементы поэтической патоки.

В заключение не могу не привести три строфы из стихотворения «Цыгане в метро»:

Здесь мимо лиц грохочут поезда,
но празднеству не нанесут урона.
Легка судьба цыганского барона.
Он дома здесь, сума его пуста.

Он вечно к путешествию готов.
Ему не привыкать в штанах смолёных
волчком вертеться между двух зеленых,
бегущих друг от друга поездов.

Пируй, барон, не покидай метро!
Здесь с циферблатом ты играешь в прятки.
Ты вечно едешь, значит — всё в порядке.
И чей-то скарб впивается в бедро.

Ольга БОГДАНОВА

ДОМ ЗИНГЕРА

Духовник президента: рассказы о священниках, повлиявших на умы и души правителей России. Авт.-сост. Владимир Зоберн. М.: Эксмо, 2016. — 448 с. — (Религия. Рассказы о духовной жизни).

Краткий курс русской истории в непривычном аспекте: влияние духовников на умы и души правителей православной страны. В этой книге — биография духовников, рассказ об их деяниях и трудах, о вкладе в развитие культуры и образования, об их заслугах и, конечно, об отношениях с их подопечными. Духовни-

ки были наставниками будущих правителей, приучая детей и подростков руководствоваться впоследствии в своих действиях не только законами гражданскими, но и Законом Божиим. Духовники участвовали во всех главных событиях жизни государя и его семьи: венчании на царство, крещении, погребении. И они же, будучи поверенными мыслей и чувств своих подопечных, помогали искать выход из трудных ситуаций, разрешали сомнения, давали благословение на дела государственных. Не раз их веское слово звучало в ключевые моменты нашей истории. В самом центре драматических событий 40-х годов XIV века оказался духовник Симеона Гордого, преподобный Стефан Московский: в борьбе Тверского и Московского княжеств за роль единого неделимого центра он поддержал Москву. Позже такую же поддержку Московскому княжеству оказал святитель Алексей, опекун и наставник рано осиротевшего Дмитрия Донского. Самое известное событие правления Ивана III — стояние на Угре (1480 год), положившее конец власти монголо-татар над Русью, — также отмечено решимостью и властным словом духовника Ивана Васильевича, архиепископа Вассиана Рыло. Митрополит Афанасий, духовник Ивана Грозного, в 1552 году благословил царя на поход к Казани и сам участвовал в этом походе. Трудно переоценить роль духовных отцов в строении Московского государства. Духовники великих князей, русских царей, российских императоров... Вереница замечательных людей, многие из которых канонизированы Русской православной церковью в лике святителей. Большинство из них люди разносторонне образованные и одаренные: живописцы, писатели, ораторы, просветители... «Демосфеном» своего времени считался архиепископ Вассиан, его «Послание на Угру» к своему духовному сыну, Ивану III, ныне памятник древнерусской литературы, где впервые были сформулированы важнейшие для Руси государственно-политические цели и идеалы. И дальнейшее развитие русской духовно-политической мысли в XVI—XVII веков шло в направлении осмысления и углубления задач, им сформулированных. О ком-то сведений почти не сохранилось, как, например, о Стефане Московском, не существует даже жития этого святого, хотя инок Стефан вместе с младшим братом, Сергием Радонежским, стоял у истоков Троицкой обители. Кто-то незаслуженно забыт, как, например, протопресвитер Василий Бажанов, духовник трех русских императоров: Николая I, Александра II и Александра III. После 1917 года его имени нет ни в советских, ни в постсоветских изданиях. Его нет даже в самом полном академическом библиографическом указателе «Христианство и новая русская литература». А к началу XX века его книги выдержали шесть изданий, был опубликован и поэтический сборник его духовных стихотворений. Судьба некоторых духовников завершилась трагично: 5 сентября 1918 года в Петрограде был расстрелян тяжело больной протоиерей Александр, последний духовник последнего русского императора; чуть позже замучен в застенках ЧК сподвижник Колчака владыка Сильвестр, епископ Омский и Павлодарский, не желавший покинуть свою паству и уйти из Омска с белыми. На движущейся ленте истории параллельно с чередой духовников представлены и портреты их подопечных, — емкие очерки, включающие в себя широкий спектр мнений, противоположные суждения о былых «властителях мира сего». Спорили и спорят об Иване Грозном, Петре I, Павле I, Александре I... Представлены разные точки зрения, поставлены вопросы. Иван Грозный — тиран и мракобес, символ всего самого темного, что переняла у монголо-татар Московская Русь? Или государь, которому довелось уже не соединять, но расширять и преобразовать полученные в наследство земли, заслуживает церковной канонизации? Был ли Федор Иванович беспомощным идиотом? Но когда он лично отправился в поход и участвовал в боевых действиях, то в глазах десятков тысяч военных он не выглядел ни «юродивым», ни «помешан-

ным». В результате ожесточенной борьбы Россия отбила тогда у шведов Ям, Копорье, Ивангород и Корелу. Какой была истинная вера Петра I? Кем был император Александр I: действительно ли православным государем, либо религиозным модернистом, воспитанным честным, человеколюбивым якобинцем Лагарпом в ориентации на «общечеловеческие ценности»? Николай I — жандарм или христианин? Быть может, причина споров и в том, что современному сознанию, в большей степени рационалистическому и даже атеистическому, совсем не просто проникнуть во внутренний мир человека, живущего совершенно по другим законам, когда православный взгляд на мир определял многие поступки людей. Временной диапазон — от века XIV, от времен Симеона Гордого до наших дней. Глава «Духовники и правители после 17 года» посвящена адмиралу Колчаку и святителю Сильвестру, генералу Деникину и протопресвитеру Георгию Шавельскому, генералу Врангелю и епископу Вениамину, который не раз выезжал на фронт, бывал под обстрелом противника. В заключение главы — очерк о последнем паломничестве Бориса Ельцина на реку Иордан; интервью отца Тихона (Шевкунова), духовника президента Путина, данные в разное время журналу «Профиль» и афинской газете «Страна». Завершают книгу высказывания священнослужителей о роли духовника в наши дни. В своей работе составитель сборника Владимир Зоберн использовал летописные источники, жития, мемуары, труды историков всех времен.

Евгений Каргаполов. «Душа — как будто поле битвы», или Записки о творчестве поэта Дмитрия Мизгулина. Курган: Зауралье, 2016. — 272 с.

Дмитрий Мизгулин, чья первая книга («Петербургская вьюга») вышла в 1992 году, ныне автор более двадцати сборников стихов и прозы. Отдельными изданиями его книги выходили на французском, английском, сербском, чешском языках, его творчество отмечено многочисленными премиями. Поэт следует традициям русской классики, сознательно продолжая классическую линию русской поэзии Золотого и Серебряного веков, а также «железного» советского времени. Его лирика лишена формотворчества, избыточных изысков и внешних эффектов. Своими учителями поэт считает классиков русской литературы и философии: Ф. Тютчева и А. Хомякова. Как и у Тютчева, лирика Мизгулина исполнена размышлений о высших вопросах бытия, о нераздельности человека и природы. Как и у Тютчева, у Мизгулина нежные чувства к своей земле, к каждой росинке на траве неразрывно связаны с любовью к Родине, и к Родине именно православной. Объединяет их и предчувствие катастрофы, в основе которой лежит разлад внутреннего и внешнего мира человека — противоборство двух начал: тьмы, хаоса и света, гармонии. Евгений Каргаполов в своих записках сосредотачивается прежде всего на религиозно-философских, историко-философских и этических взглядах поэта. Он прослеживает, какое значение в лирике поэта и его мировосприятии и религиозном мироощущении имеют такие понятия, как Душа, которую мы «грузим чем попало», молитва, храм, воцерковление, покаяние, Страшный суд Божий. Феномен души — одна из доминирующих тем в творчестве поэта: душа вмещает надежду, тревогу, боль, страдания, она бессмертна. Поэт стремится осмыслить, что значит «русская душа», вбирающая в себя огромные пространства и бесконечность времени. Е. Каргаполов исследует роль религиозных символов и смыслов в творчестве поэта и делает обобщающие выводы о его религиозных исканиях. Еще одной важной темой в творчестве Д. Мизгулина является тема памяти и забывания в русской культуре, забвения (утраты) и воспоминания (обретение памяти), призванная показать

остроту раскола, драматизм и символизм отдельных фактов и событий русской истории. Трагедия русского сознания, выпавшего из исторического потока времени, считает Е. Каргаполов, «состоит в том, что нарушалась преемственность в истории и культуре. Советская культура не стала опираться на русскую культуру исторической России, а культура новой России не стала опираться на советскую культуру. Русское сознание стало развиваться через отрицание всего старого: советское отрицало царское, российское стало отрицать советское». Рассыпающаяся культура, потерявшая свое основание, полагает автор, это культура человека, потерявшего ориентации и цели, не знающего, на что опереться в жизни и творчестве. Такой разрыв — путь к гибели, и именно преодолеть разрыв прошлого, настоящего, будущего русской культуры, соединить в едином потоке историческое пространство, чтобы восстановить в своем уме, душе и сердце гармонию и стремится Д. Мизгулин, реконструируя события как тысячелетней данности, так и недавнего советского прошлого. Концепции прошлого, настоящего и будущего в творчестве Мизгулина посвящена отдельная глава. Емкое и точное отражение в его стихах нашли и времена распада, болезни нашей Родины, приходящиеся на бурные и печальные 90-е годы прошлого столетия. Главный конфликт современности, приводящий к апокалипсичности мироощущения, ярко выражен в поэзии Мизгулина — это борьба духовного, нравственного с вещественным, плотским, природным и страстным в человеке, в культуре, в России. Поэт резко оценивает современную действительность: бездуховность, меркантильность, потребительское отношение к жизни, засилье СМИ. Действительность, в которой «душа закрыта перед словом Божиим». «Была когда-то Родина. А ныне // В своей стране живу, как на чужбине, // Где дикторы с акцентом говорят...»; «Эпоха грядущего хама // Стучится настойчиво в дверь...»; «Не ощущаем, как когда-то, // Во всем — присутствие Творца. // В эпоху хамства и разврата // Живем в преддверии конца»; «Компьютеры, ксероксы, факсы. // И биржи. И курсы валют. // Меняем на марки и баксы // Души первозданный уют...// Мерцает во мраке планета.// И звезды, как свечи, горят.// И в цепких сетях Интернета // Блуждает душа наугад...». Поэт уверен, что в ситуации надвигающихся катастроф выжить русскому человеку поможет только возвращение веры в Бога, Творца и Спасителя, что именно православие тот источник, из которого русский дух будет черпать силы для созидания и творчества. Он предлагает современному человеку задуматься о душе, о вечном, о смыслах и целях своего бытия во Вселенной. «Не включай телевизор, не надо, // Хоть мгновенье побудь в тишине. // Меж ветвей опустевшего сада // Тихо звезды плывут в вышине.// ...Не включай телевизор, послушай // Шум листвы и шептанье воды, // Воздух майский немного получше // Испарений партийной среды. // Не включай телевизор, не трогай, // Молча пусть этот ящик стоит, // И дыханье свободы и Бога // На мгновенье тебя посетит». Исследуя многоплановый, богатый поэтический мир Д. Мизгулина, Е. Каргаполов обращается к Священному Писанию, к трудам отцов Церкви, отечественных философов, писателей, историков, психологов, совершает экскурсии в историю, воспроизводит политические, социальные, культурные реалии дня сегодняшнего и создает многомерный портрет поэта.

Альберт Измайлов. Слово о Михаиле Дудине: литературный портрет.

СПб.: Северная звезда, 2016. — 194 с.

Чтобы создать литературный портрет поэта, переводчика, общественного деятеля и просто замечательного человека, Михаила Александровича Дудина (1916—

1993), Альберт Измайлов проработал архивные, научные, литературные источники. В своей работе он использует воспоминания Дудина и его современников, публикации в журналах и газетах и, конечно, стихи самого поэта и его собратьев по поэтическому цеху. А. Измайлов повествует о жизни и творчестве поэта, о его литературно-эстетических взглядах, его просветительском труде. Михаил Дудин — один из плеяды поэтов-фронтовиков, чье мировоззрение формировала война. Он был призван в армию в 1939 году, служил во взводе разведки полковой батареи полуострова Ханко. Первый бой военно-морская база Ханко приняла 22 июня 1941 года, и длительное время героический гарнизон сковывал крупные силы врага. За участие в советско-финской войне М. Дудин был награжден медалью «За отвагу». «С первых до последних дней войны, — вспоминал Михаил Дудин, — я был в Ленинграде. На полуострове Ханко, где около 30 тысяч солдат держали оборону, защищая Финский залив от вторжения немцев, я был солдат, артиллерист-наводчик, затем стал корреспондентом газет „Красный Гангут“, „Огневой щит“, „Знамя победы“, „На страже Родины“, в которой проработал до конца войны». Позднее Дудин скажет: «Пожалуй, ощущения войны остались самыми цепкими в моей памяти». Он писал для газет рассказы, стихи, сообщения, сатиру, юморески, участвовал в подготовке текста ответного письма гарнизона острова Ханко барону Маннергейму на его предложение сдать 10 октября 1941 года. В годы войны складывалось фронтовое братство поэтов. Наряду с портретом М. Дудина в книге присутствует и портрет другого поэта-фронтовика, воина-танкиста — Сергея Орлова, с которым Дудина спланивала не только дружба, но и совместная творческая работа над поэмой «Песня Ленинграду», стихами и переводами, над сценарием к кинофильму «Жаворонок», посвященному подвигу танкистов. Военная тема никогда не отпускала поэтов поколения фронтовиков. Для Дудина она была связана и с образом блокадного Ленинграда и его защитников: город как осажденная, борющаяся с врагом крепость, ленинградцы как стойки. «Все с этим городом навек — // И песня, и душа, // И черствый хлеб, // И черный снег, // Любовь, тоска, // Печаль и смех, // Обида, горечь, и успех...» Он любил этот город особой любовью, потому что, как говорил он, «в двух войнах оставлена моя молодость, потому что здесь я был солдатом и один раз на всю жизнь принимал присягу». И здесь встретил победу. В его строках остались Гангут, Воронья гора, ладожская Дорога жизни. Невская Дубровка и образы боевых товарищей, оборонявших Ленинград. Литературный портрет — это и переводы с армянского, грузинского, азербайджанского, башкирского языков. В каждой из республик у Дудина были друзья, оттого он особенно болезненно переживал распад Советского Союза: «Весь Божий мир я растерял по свету. // Меня уже наполовину нету. // Расторглась жизнь. Распались времена. // Предатели сменили имена». Переводил он и с английского, с болгарского, с испанского, со словацкого, со шведского языков. И всегда только то, что было «созвучно его душе, его раздумьям». Переводческой работе поэта посвящена отдельная глава. Отдельная глава посвящена и критике, как работам самого поэта о классиках русской и советской литературы, так и ему адресованным. Тексты критических статей, в том числе так называемые «внутренние», предваряющие публикации сборников, включены в книгу. Творческий портрет поэта — это и песни Д. Тухманова, А. Петрова и Ю. Антонова на слова М. Дудина, и песни на стихи поэта к кинофильмам «Максим Перепелица» и «Укротительница тигров». «Некоторые современные литературоведы и культурологи, подверженные так называемым новым литературным течениям, пытаются представить деятельность советских писателей и поэтов в 1940—1970 годах в одностороннем негативном виде», — пишет А. Измайлов. И расценивает это как одну из форм информацион-

ной войны. И напоминает: «История ленинградской литературы писалась в 1940—1970 годах прежде всего книгами о жизни и делах поколения победителей, послевоенного поколения строителей тракторов, турбин космических аппаратов, атомных ледоколов, животноводов и полеводов», создателей. Таким создателем был и сам М. Дудин. Почти четверть века он возглавлял Ленинградский Комитет защиты мира; именно он — инициатор создания Зеленого пояса Славы; это он предложил восстановить надпись на здании школы в начале Невского проспекта «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна»; благодаря его усилиям установлена мемориальная доска на улице Пестеля в честь героических защитников Ханко. Это его слова: «Вам, беззаветным защитникам нашим. // Память о вас навсегда // сохранит // Ленинград благодарный. // Вечен ваш подвиг в сердцах // Поколений грядущих» на пропилях у входа на Пискаревское мемориальное кладбище. Вместе с С. Гейченко Дудин был и инициатором проведения на Псковщине в Михайловском Всесоюзных пушкинских праздников поэзии. И это далеко не полный перечень воплотившихся в жизнь деяний поэта, о которых повествуется в книге. В приложении помещены архивные материалы: рассказы Дудина, его стихи, письма его и к нему.

Иван Беляев. Где вера и любовь не продаются. Мемуары генерала Беляева. С предисловием Николая Старикова и Дмитрия Беляева. СПб.: Питер, 2015. — 448 с. — (Серия «Николай Стариков рекомендует прочитать»).

Иван Тимофеевич Беляев (1875—1957), русский генерал, участник Первой мировой, Гражданской и Чакской (боливийско-парагвайской) войн. Георгиевский кавалер и национальный герой Республики Парагвай. Человек с судьбой яркой и замечательной. Он родился в Санкт-Петербурге, в семье потомственного военного, а умер в далеком Асунсьоне. Его отпевали в Колонном зале Генерального штаба, где у гроба несли дежурство первые лица государства. Во время похоронной процессии за катафалком следовали толпы индейцев. В знак уважения к религиозным воззрениям своего верховного вождя они осеняли себя крестным знаменем и распевали «Отче наш» в переводе покойного. И. Беляев окончил 2-й Санкт-Петербургский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище (1893). Служил в Санкт-Петербурге и на Кавказе. В годы Первой мировой войны (для него — Великой войны) сражался в Польше и в Карпатах, участвовал в знаменитом «Брусиловском прорыве». В 1915 году «за спасение батареи и личное руководство атакой» был представлен к Георгию. В начале 1916 года тяжело ранен. Весть об отречении Николая II от престола застала его перед лицом противника, когда он находился в окопах. Приказ № 1 Петросовета (1917 год): отмена прав начальника, избирательный порядок в армии, отмена отдания чести, контроль солдатских масс над офицерами — рассматривал как губительный для армии и России. И. Беляев остро переживал моральное разложение армии, вчера еще стоявшей, по его мнению, на пороге победы. В 1918 году генерал Беляев вступил в Добровольческую армию. А потом была эмиграция: Константинополь, Париж, а с 1924 года и далекий Парагвай, куда вместе с ним по его призыву выехало множество русских людей, разочаровавшихся в Европе. В южноамериканской республике бывшие царские офицеры поступали на службу в армию с сохранением воинского звания. Именно благодаря русским офицерам в ходе кровавой боливийско-парагвайской войны (причина ее ординарна — нефть) удалось разгромить 160-тысячную боливийскую армию, вооруженную на американские деньги и в несколько раз превосходившую силы парагвайцев. Беляев не только был начальником Генерального штаба вооруженных сил

Парагвая, но и лично участвовал во многих сражениях. В Парагвае он реализовался и как исследователь области расселения, языка и культуры индейцев чако. Мемуары генерала Беляева посвящены не далекой экзотической стране, а русскому периоду его жизни. «Но моя жизнь уже подходит к концу, и пора подвести ей итоги. И на склоне дней, лишь только случится отвлечься от настоящего и отдаться воспоминаниям, картины прошлого выходят вновь из тумана десятилетий во всей свежести и яркости красок сегодняшнего утра. Как живые поднимаются давно забытые образы и события, оставившие неизгладимый след в душе, и прошлое становится настоящим. Картины далекого детства в патриархальном укладе сельской жизни среди ласкающей природы и не затронутых еще мировой свистопляской людей; старый Петербург с его радостями и тревожностями, кажущимися теперь бурей в стакане воды в сравнении с суровыми условиями беспощадного века; незабываемые годы Первой мировой войны, внесенные ею грозные картины гибели и разрушения — и, наряду с ними, яркие примеры доблести, красоты и совершенства духа и плоти; катастрофа, приведшая к революции, и светлые образы, захваченные в ее водоворот...» Идиллические картинки детства: поездки в деревню Гдовского уезда, в имение деда, приобретенное еще прадедом Л. Трефуртом, адъютантом великого Суворова, с которым Трефурт участвовал в его последнем легендарном походе. В семье из поколения в поколение, образуя родовое древо, передавались идеалы и ценности, вера и традиции русского народа. Быт традиционной русской семьи, процесс воспитания русского офицера, отношения в военной среде, известные исторические события (Русско-японская война, три революции, Первая мировая и Гражданская войны)... «Я не считаю себя вправе касаться разбора исторических событий, так как пишу только личные воспоминания и притом описываю все лишь с субъективной точки зрения». А личные воспоминания — это прежде всего люди, их отношения, дружеские и родственные связи. И любовь. В жизни И. Беляева было два брака, и каждый раз по любви с первого взгляда, и этот взгляд не подвел его ни разу. Отсутствуют пространные рассуждения, много выразительных сценок и диалогов. Мирное «золотое время» сменяется хаосом революций и Первой мировой и Гражданской войн. Субъективный взгляд расцветивает историю значимыми подробностями: Кронштадт в 1905—1907 годах, где комендантом в то время был отец И. Беляева, и сын помогал подавлять мятежи; дочери Николая II в лазарете Ее Величества в Царском Селе и их отношения с ранеными. Личные воспоминания — это и устройство Александра Блока вольноопределяющимся (Беляевы были породнены с А. Л. Блоком, отец великого поэта был женат вторым браком на сестре И. Беляева). Воспоминания Ивана Беляева выходят впервые. Знаменательно, что предисловие и послесловие к книге написано Дмитрием Беляевым, чей прапрадед был старшим братом И. Беляева. В предисловии подробно рассказывается и о многочисленном роде Беляевых, служивших России верой и правдой на протяжении веков, и о жизни далекого предка в Парагвае, где тот взялся за создание «Русского очага», чтобы сохранить в людях, живущих вдали от Родины, русский дух.

Архимандрит Августин (Никитин). Ислам в Германии. СПб.: Восточный институт, 2015. — 480 с.

Книгу архимандрита Августина можно назвать своеобразной энциклопедией, посвященной исламу в Германии, — по широте исторического охвата, по огромному количеству фактов, явлений, статистических данных. Историю связей мусульманского Востока с немецкими землями автор отслеживает с эпохи Карла Великого

(IX век) до наших дней. Среди малоизвестных, а порой скрытых и малоизученных глав этой истории и воззрения Мартина Лютера на ислам как на одну из угроз полного завоевания христианской Европы мусульманами; и интерес Гитлера к Ближнему Востоку, вызванный тем, что лидеры и организации стран Ближнего Востока призывали к борьбе с англичанами, коммунистами и евреями. Значительное внимание отводится взаимоотношениям Германии с другими странами в канун и во время Первой и Второй мировых войн: сложные клубки противоречий, союзы, конфликты, использование противоборствующими странами мусульманского фактора. Подробно излагается, как и почему сложилась столь значительная мусульманская община в Германии. Решающими стали 1950—1970 годы, когда в ФРГ начали приглашать рабочих из средиземноморских стран для выполнения работ, которые европейцы более не хотели выполнять. Определенную роль, по мнению автора, сыграла и Берлинская стена: восточноевропейские рабочие потеряли возможность ездить в Западный Берлин, и их стали замещать турецкими гастарбайтерами. На копеечном труде гастарбайтеров и возникло «экономическое чудо». Впрочем, только ли стена виновата в притоке гастарбайтеров в ФРГ? Архимандрит Августин пишет, что после падения стены приток мусульман увеличился, а объединенная Германия стала принимать беженцев из бывшей Югославии, среди которых было немало мусульман, а также из Ливана, Палестины и стран Африки. Архимандрит Августин, священник, богослов и путешественник, компетентно разбирает вопросы трудного сосуществования двух религиозных общин — христианской и мусульманской: попытки христианско-мусульманского диалога; проблемы интеграции; несостоявшаяся политика мультикультурализма; взаимоотношения немцев и мусульман; межнациональные схватки, в том числе и между мусульманами, выходцами из разных стран; причины роста исламского фундаментализма и его влияние на молодежь. Мусульманская молодежь, растущая среди двух разных культур, не чувствует себя уверенно ни в одной из них. Радикальные исламистские организации предлагают им силу и самоопределение, которые они ищут, а заодно и убеждают, что каждый истинный мусульманин обязан защищать ислам с оружием в руках. Последовательно излагаются доктрины многоликого ислама, приводятся данные об исламистских течениях в современном политическом исламе, о действующих в ФРГ мусульманских организациях, партиях, группах, духовных центрах и правоэкстремистских группировках. В сфере интересов автора проблемы религиозного образования и распространения Корана; мотивы принятия христианства мусульманами и — что более распространено — мусульманства христианами; темы исламского антисемитизма и исламского этикета (как, не навредив себе, правильно бить женщин разной комплекции). Автор останавливается и на проблеме опустевших церквей: хотя практикующие христиане составляют 68 % от всего населения Германии, количество мечетей в стране растет, а число христианских храмов уменьшается. Религиозность христианского населения падает, католические храмы и лютеранские кирхи стоят пустыми даже по воскресеньям, зато «парады любви» собирают десятки тысяч участников. Смешными и нелепыми выглядят запрет на рождественские елки и праздник Рождества в ряде федеральных земель или превращение традиционного Дня святого Мартина в «праздник солнца, луны и звезд». В Германии есть исламофилы и исламофобы. Среди последних и видный представитель немецкой политической элиты Тило Саррацин, выступивший против губительной демографической, социальной, миграционной и образовательной политики, на протяжении многих лет проводимой либеральными властями Германии. Его книга «Германия: самоликвидация», его заявления («Турки покоряют Германию так же, как албанцы покорили Косово — с помощью рождаемости»,

«Я не хочу, чтобы страна моих внуков и правнуков стала преимущественно мусульманской») вызвали скандал в Германии. Проблемы демографии в Германии не только в том, что падает рождаемость среди немцев, но и в том, что большое число немцев, образованных, стремится покинуть Германию и попытаться счастья в США, Канаде, Австралии. Оказывается, число эмигрантов, выезжающих из Германии и Голландии, уже превышает число иммигрантов, в эти страны въезжающих. По прогнозам, в Берлине к 2020 году немецкое население составит всего 20 %, а к 2050 году немцев в стране останется всего 50 миллионов. Такой интересной статистики в книге немало. Автор склонен думать, что закат Европы уже наступил. Грустный анекдот: «2050 год. Берлин: — Папа! А в Берлине немцы есть? — Нэт, сынок, это фантастика!» Немало страниц отведено внешней политике Германии. Систематизированы сведения о дипломатических отношениях ФРГ с мусульманскими странами, об отношении «заключенных друзей» — ФРГ и Израиля, о столкновениях внутри Европейского союза по «турецкому вопросу». Внешняя политика ФРГ — это и германские миротворцы, советники, вооруженные силы ФРГ в Ираке, Пакистане, Сомали, Сирии, и роль Германии в кавказских военных столкновениях последних десятилетий. Эта книга — действительно энциклопедия, но очень своеобразная. В ней есть место и официальным документам, и статистике, и фактам, и выдержкам из прессы, и материалам дискуссий в Германии, что ведут политики, общественные деятели, немецкие интеллектуалы, и рассказам о конкретных людях и ситуациях, и личным впечатлениям от пребывания в Германии и общения с ее насельниками.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

*Редакция благодарит за предоставленные книги
Санкт-Петербургский Дом книги (Дом Зингера)
(Санкт-Петербург, Невский пр., 28, т. 448-23-55, www.spbdk.ru)*